

А.В. Кучеренко

Соотношение чистого разума и морального закона в учении о нравственности И. Канта

В статье рассматривается взаимодействие чистого разума и морального закона как одного из основополагающих значений в кантовской этике. Анализируется противоречивая ситуация, связанная с поиском общезначимых моральных норм в опыте процесса общения при последовательном погружении сознания в умопостигаемый ноуменальный мир нравственных ценностей. Указывается на необходимость учета специфики кантовского учения о нравственности, обусловленной религиозным сознанием философа.

Ключевые слова: чистый разум; моральный закон; ноумен; архитектоника; религия.

В кантовском учении о нравственности соотношение чистого разума и морального закона выступает наиболее глубоко скрытой проблемой, при решении которой вполне отчетливо проявляются двусмысленность и противоречивость.

Первоначально внесем ясность в определение понятия «чистый разум». Как известно, Кант использует словосочетания «чистый теоретический разум» и «чистый практический разум», хотя это один и тот же разум, но только в одном случае его деятельность направлена на познание объектов природы, а в другом — на познание сущности и содержания морального закона.

Наличие двух разумов способно вызвать некоторое недоумение: «У Канта практический разум отделяется от теоретического. Получается “два разума”, что само по себе парадоксально» [7, с. 54]. Для Канта чистый разум выступает фундаментом для всякой познавательной и оценочной деятельности, поэтому нам следует еще сказать спасибо Канту за то, что он не ввел в свою терминологию понятие «разум суждения вкуса», поскольку «целесообразное без цели» (как определение сущности прекрасного) изначально включает в себя принцип архитектоники, содержащийся в понятии «целесообразное», организованное целесообразно, соблюдая общее условие подчинения второстепенных значений

главному. Кант на все смотрит сквозь призму чистого разума, меняя лишь направления своего внимания (объекты природы, моральный закон, суждение вкуса, право). Таким образом, процесс мышления самого Канта организован архитектурно, — «мы имеем дело с одним и тем же разумом, который различается только в своем применении» [6, с. 55].

Проблема заключается в том, что если человек еще не знает или даже вообще не способен понять сущность (основополагающий принцип) и содержание (исчерпывающую совокупность соответствующих основополагающему принципу норм поведения) морального закона, то к нему невозможно будет предъявлять и претензии относительно проявления им в ряде случаев безнравственного поведения. Следовать познанному закону требуется, не руководствуясь эмоциями или эмпирическими влечениями, а рационально, что составляет одно из кантовских условий соблюдения высокой нравственности.

Проблема проникновения в ноуменальный мир из эмпирического, где находится моральный закон, решается Кантом с опорой на чистый разум, равно как и влияние ноуменального мира на феноменальный (в виде исполнения предписываемого моральным законом долга) так же предполагает действие чистого разума.

Что такое ноумен и моральный закон как ноумен? Остановимся предварительно на противопоставлении ноумена и феномена. Так, феноменом считается явление нам вещи в себе (любого природного объекта), полученное с опорой на опыт благодаря связи априорных форм рассудка (идей чистого разума, категорий рассудка, способности суждения) и априорных форм чувственности (пространства и времени). Ноумен в опыте как исчерпывающее знание об объектах природы (и общей совокупности законов природы) с помощью несвойственного нам интеллектуального созерцания (с помощью одних только понятий) невозможен. Но есть один закон внутри нас — моральный, априорный и доступный для познания исключительно с помощью рассудочной деятельности чисто понятийно, что позволяет нам проникнуть в интеллигибельный, умопостигаемый мир. Формулировка Кантом сущности морального закона в категорическом императиве эту способность демонстрирует. Моральный закон «указывает нам на чистый умопостигаемый мир, более того, *положительно определяет* этот мир и позволяет нам нечто познать о нем, а именно некий закон. Этот закон должен дать чувственно воспринимаемому миру как *чувственной природе* (что касается разумных существ) форму умопостигаемого мира, т. е. *сверхчувственной природы*, не нанося ущерба механизму чувственно воспринимаемого мира (курсив Канта. — А. В.)» [3, с. 377, 379].

При этом Кант не обходится без учета опыта общения и, как становится ясно, без подключения к рассудочной деятельности априорной чувственности (использование категорий без сопровождения формами априорной чувственности невозможно).

Кант легко переходит от употребления понятия «моральный закон» к использованию понятия «моральные законы» без сопутствующего комментария. В подтексте имеется в виду наличие одного морального закона, содержащего

принцип общегодности, тогда как отдельные моральные нормы, отвечающие данному принципу, можно считать частными моральными законами.

Мы ступаем на зыбкую почву поиска совокупности универсальных моральных норм (законов), поскольку «на самом деле совершенно невозможно выяснить посредством опыта с полной достоверностью хотя бы один случай, — пишет Кант, — где максима вообще согласного с долгом действия покоилась бы исключительно на моральных основаниях и на представлении о долге» [6, с. 101]. Представление о долге предварительно нуждается в представлении об отдельной универсальной моральной норме, которой требуется следовать. Но как определить эту совокупность моральных оснований? Кант предлагает для этого каждому из нас опереться на свой индивидуальный опыт общения и всецело полагаться на собственные субъективные размышления.

Для иллюстрации такого подхода он приводит несколько примеров. Выберем один из них. Допустим, что исходя из целесообразности будет благоразумно в сложившейся ситуации дать ложное обещание. Взвешивая последствия в случае раскрытия обмана, я могу прийти к выводу о возможности нанесения себе еще большего вреда, нежели сказал бы в этом случае правду. Но действовать правдиво нужно не из-за страха перед наступлением для меня негативных последствий, а исходя из понимания возможности возникновения абсурдной ситуации, когда все всегда будут друг другу давать только ложные обещания, в результате чего данная норма, став всеобщей, вводит всех в заблуждение, а содержа в себе противоречие, исключает и сам процесс общения [6, с. 87, 89]. Поэтому нравственным долгом будет считаться говорить всегда только правду, никого ни в чем не обманывая ложными обещаниями. Это лишь одна из моральных норм, а для обозначения их множества Кант иногда использует еще и понятие моральных принципов: «могущество души, способной посредством моральных принципов подняться над рядом препятствий чувственности (курсив Канта. — А. В.)» [4, с. 111]. О честности в «Критике чистого разума» Кант высказывается таким образом, что «моральный закон учит ценить выше всего даже простое сознание честности своего образа мыслей» [5, с. 385]. Норма морали, возведенная в статус общезначимости, предполагает согласие на действия в соответствии с этой нормой уже по отношению и к тому, кто возвел ее в этот статус.

И так, последовательно рассматривая каждую норму, которой мы пользуемся в процессе общения, можно прийти к определению совокупности универсальных нравственных принципов, составляющих понятие «моральный закон», но только с точки зрения отдельного субъекта. Кант подводит итог: «Таким образом, чтобы знать, как мне поступать, дабы мое воление было нравственно добрым, я не нуждаюсь в какой-нибудь глубокой проницательности» [6, с. 89]. Соответственно, отклонение в поведении от соблюдения общезначимых норм, определяемых нашим разумом, будет считаться проявлением безнравственности.

По утверждению Канта, моральный закон априорен, не выводим из опыта, но познаваем через опыт — «принцип нравственности есть чистый закон, а priori определяющий волю» [3, с. 439].

Для Канта характерно высказывать противоположные суждения, но это не негативная диалектика после потери границ опыта, а позитивная, где взаимоисключающие суждения фиксируют различные состояния рассматриваемого объекта познания. Не миновала позитивная диалектика и момента поиска общезначимых моральных норм в опыте. Для иллюстрации наличия такого противоречивого состояния придется привести достаточно объемную цитату Канта, за что заранее приношу извинения. Он пишет, что «объективная реальность морального закона не может быть доказана никакой дедукцией и никакими усилиями теоретического (с помощью категорий рассудка при определении свойств объекта с сопровождением созерцаниями. — *А. К.*), спекулятивного (благодаря отвлеченным, умозрительным рассуждениям. — *А. К.*) или эмпирически подтверждаемого разума; следовательно, если хотят отказаться и от аподиктической (неопровержимой вследствие строгого логического умозаключения. — *А. К.*) достоверности, эта реальность не может быть подтверждена опытом, значит, не может быть доказана *a posteriori*, и все же она сама по себе несомненна» [3, с. 391]. Иначе говоря, поиск и определение общезначимой моральной нормы в опыте не может указать на нее как на составную часть априорного морального закона и на наличие самого закона в душе каждого человека, но тем не менее... факт наличия априорного морального закона несомненен. Однако то, что Кант обращается именно к опытной проверке соответствия моральной нормы принципу общезначимости, тоже является несомненным фактом.

К идее опытной проверки при нахождении универсальной моральной нормы Кант возвращается в следующем суждении: «Мы можем сознавать чистые практические законы так же, как сознаем чистые теоретические основоположения, когда обращаем внимание на необходимость, с которой их предписывает нам разум, и на обособление всех эмпирических условий, на что он нам указывает» [3, с. 347]. Для дополнения вышесказанного следует отметить, что «*эмпирические принципы* вообще не пригодны к тому, чтобы основывать на них моральные законы (курсив Канта. — *А. В.*)» [6, с. 209]. В данном случае понятие «эмпирические принципы» относится к эмпирическому интересу, основанному на чувственном влечении, преследовании того, что обусловлено «природным законом вожделений и склонностей» [6, с. 243].

Таким образом, Кант выявляет неоднозначную проблему поиска и нахождения в опыте степени соответствия моральной нормы основополагающему принципу априорного морального закона.

Мы, согласно его концепции, имеем две априорные структуры — чистый разум и моральный закон. Однако следует определить, эти значения равноценны или присутствует приоритет одного значения над другим? По Канту, чистый разум возвышается по своей значимости над моральным законом, поскольку имеется «источник практических принципов, заложенных *a priori* в нашем разуме» [6, с. 49].

По отношению к форме архитектоники чистого разума априорный моральный закон имеет производное, второстепенное значение, поскольку он,

уже включая в себя форму архитектоники, принадлежащую чистому разуму, всего лишь наполняет ее материей, т. е. совокупностью конкретных моральных норм, подчиненных общему принципу всеобщности. В данном случае, следуя терминологии Канта, мы в своем рассуждении используем определяющую способность суждения, подводя частное значение (сущность и содержание морального закона) под уже известное общее (архитектонику чистого разума).

Диалектика взаимодействия чистого разума и морального закона отражается в следующей кантовской фразе: «особое же свойство моральных законов состоит в том, что они предписывают разуму нечто как цель без какого-либо условия...» [4, с. 292]. Находясь в подчинении к чистому разуму по форме, априорный моральный закон повелевает теперь чистым разумом функционально, пользуясь им уже как средством для достижения своих целей. Во-первых, в процессе определения конкретной общезначимой нормы (что было продемонстрировано выше относительно честности). Во-вторых, для отсечения всего чувственного (эмоции, склонности, посторонние влечения и интересы) как противоречащего долгу при следовании общезначимой моральной норме в сложившейся ситуации общения исключительно рационально (не отвлекаясь ни на какие препятствия для достижения конечной цели совершенной нравственности).

Возьмем богословское рассуждение А.Г. Долженко о Нагорной проповеди. «Продолжая излагать понятия Своего учения, Иисус Христос сказал: “Не судите, да не судимы будете” (Матф. 7,1). “Ибо каким судом судите, таким будете судимы” (Матф. 7:2). Эти слова развивают и уточняют мысль Иисуса Христа, высказанную им в предыдущей фразе. Если в 1-м стихе сформулирован вывод “не судите, да не судимы будете”, то во 2-м стихе этой главы дается обоснование (аргументация) этого вывода» [2, URL]. Христос высказывается в соответствии с принципом Канта поиска общезначимой моральной нормы, опираясь на свое личное мнение. Он не только провозглашает эту норму в универсальном смысле, но и указывает момент обратного действия на тех, кто судит. Перефразируя, можно сказать примерно так: «Если не хотите осуждения со стороны других, сами никого не судите». Но может ли существовать общество согласно этому правилу в условии всепрощения, безразмерной толерантности, стирания границы между добром и злом? Соответственно, это приведет к прямому отказу от поиска общественной справедливости и юриспруденции как таковой со всеми ее нормативно-правовыми актами, регулирующими общественные отношения на основе опять же общезначимых моральных норм, поскольку за каждой правовой нормой стоит та или иная моральная ценность.

А.Г. Мясников, рассуждая о совмещении морального закона, о котором говорит Кант, с эгоизмом и прагматизмом человеческой природы, задается вопросом: «Для практической философии вопрос об утопичности нравственного закона имеет фундаментальное значение, так как от его решения во многом зависит применимость самих моральных требований и норм в реальной человеческой жизни» [8, URL]. И вот какое решение предлагает А.Г. Мясников: все «очень просто. Нужно постоянно договариваться с другими людьми на взаимовыгодных

условиях» [8, URL]. Поиск компромисса между интересами, что предполагает взаимные уступки, провозглашается им общезначимой моральной нормой.

Но, во-первых, прагматизм в преследовании своих исключительно личных интересов обычно не учитывает общезначимость, и Кант об этом четко говорит в параграфе «Гетерономия воли как источник всех неподлинных принципов нравственности» в работе «Основоположение к метафизике нравов». Во-вторых, компромисс может иметь содержание преступной сделки. Например, организованные преступные группы делят зоны своего влияния в городах на основе компромисса. В данном случае и в большинстве подобных в форме преступного сговора массово творятся разнообразные темные дела, и поэтому идеальная основа компромисса как такового при установлении равенства между заинтересованными сторонами, ищущими взаимовыгоду, не соответствует норме общезначимости, следуя известной поговорке «Рука руку моет».

Тексты Канта пестрят назойливой повторяемостью отдельных положений в различных интерпретациях при сочетании с недосказанностью и двусмысленностью в других его суждениях. В силу этого требуются индуктивные обобщения, предположения и даже некоторые упрощения, но не разрушающие общую концепцию кантовской системы этики. Слишком смелые упрощения без сопутствующего комментария способны увести в сторону от подлинных взглядов Канта неискушенного читателя. Обратимся к одному из таких высказываний.

«Моральность, по Канту, — пишет В.В. Васильев, — всегда связана с долженствованием, причем не условным, когда я должен сделать что-то для достижения неких внешних результатов, а “категорическим”, безусловным, когда я сознаю, что просто должен совершить тот или иной поступок, независимо от выгоды, которую он мне сулит» [1, URL]. Вот здесь как раз и требуется уточнение. У Канта в области этики доминирует религиозный мотив, и выгода от соблюдения общезначимых норм для человека с религиозным сознанием очевидна — это путь к спасению и обретению вечного блаженства в загробном мире как дар бога за высоконравственное поведение. То, что необходимо следовать моральному закону только из уважения к нему, у Канта присутствует, но этому сопутствует религиозный подтекст, который требуется учитывать. Кант об этой связке морали, бога и бессмертия неоднократно говорит прямым текстом, а моральный закон всего лишь один из великого множества, предписанных миру его творцом. Кант из этого не делает секрета.

Из множества суждений, сочетающих в себе моральный закон, бога и бессмертие, я выбрал следующее: «моральный закон через понятие высшего блага как объекта и конечной цели чистого практического разума ведет к *религии, т. е. к познанию всех обязанностей как божественных заповедей*» (курсив Канта. — А. В.) [3, с. 639]. Кант не отрывает морального закона от религии, и это способно многое объяснить в смысловых оттенках всей совокупности его размышлений о морали. Для философа это постулат, своеобразный фундамент, на котором он возводит свое учение о нравственности. Отрывая моральный закон от религиозного подтекста, мы способны не только деформировать учение

Канта, но и свести его к абсурду. Канта следует оставить в его религиозной вере, не выбрасывая из его убеждений религиозного мотива как важнейшей составной части его мировоззрения.

Трудно согласиться и с другим суждением В.В. Васильева о том, что «один из самых обычных упреков Канту состоит в том, что его этика формальна, что отрывает ее от жизни. В действительности она скорее даже слишком содер­жательна» [1, URL]. На самом деле упрек справедлив. Она не только формальна, но и метафизична, поскольку отсекает от соблюдения общезначимых моральных норм как нечто не заслуживающее внимания учет наступающих вслед за этим негативных последствий, о чем можно судить по его работе «О мнимом праве лгать из человеколюбия». И это опять-таки следствие его насквозь пропитанной религией этики.

Чистый разум самого Канта, следуя идее архитектоники, создает полноценную, законченную и устойчивую систему этики, но мы, желая извлечь из нее религиозную составляющую, получаем в результате весьма неустойчивую конструкцию, стремящуюся к саморазрушению при отрицании самих же моральных ценностей, за соблюдение которых ратуем. Более того, этика Канта индивидуалистична, если оказывается слепа и невосприимчива к наступающим последствиям для окружающих после применения общезначимых норм, установленных индивидуальным сознанием, не считающимся со сложившимися на данный момент конкретными условиями процесса общения. Моральный ригоризм (строгое и твердое соблюдение в мыслях и поведении какой-либо нормы, принципа) Канта может быть объяснен только в рамках его религиозного сознания.

Литература

1. *Васильев В.В.* Неуловимая свобода: проблема оснований этической системы Канта [Электронный ресурс] / Библиотека по философии. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000520/> (дата обращения: 14.04.2019).

2. *Долженко А.Г.* Нагорная проповедь [Электронный ресурс] / Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/nagornaja-propoved/107> (дата обращения: 14.04.2019).

3. *Кант И.* Критика практического разума // Соч.: в 4 т. на нем. и рус. яз. М.: Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 277–733.

4. *Кант И.* Критика способности суждения // Соч.: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 5. 414 с.

5. *Кант И.* Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. М., Мысль, 1964. Т. 3. 800 с.

6. *Кант И.* Основоположение к метафизике нравов // Соч.: в 4 т. на нем. и рус. яз. М.: Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 40–275.

7. *Мареев С.Н.* О практических чувствах: Гегель против Канта / Философия Гегеля: новые переводы, исследования, комментарии / под общ. ред. Е.В. Мареевой. М.: Изд-во СГУ, 2014. 514 с.

8. *Мясников А.Г.* Нравственный закон — это утопия? От В.С. Соловьева к М.И. Туган-Барановскому [Электронный ресурс] / Центр современной практической философии. URL: <http://sofia-pnz.ru/?p=889> (дата обращения: 14.04.2019).

Literature

1. *Vasil'ev V.V.* Neulovimaya svoboda: problema osnovanij e'ticheskoj sistemy' Kanta [E'lektronny'j resurs] / Biblioteka po filosofii. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000520/> (data obrashheniya: 14.04.2019).
2. *Dolzhenko A.G.* Nagornaya propoved' [E'lektronny'j resurs] / Azbuka very'. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/nagornaja-propoved/107> (data obrashheniya: 14.04.2019).
3. *Kant I.* Kritika prakticheskogo razuma // Soch.: v 4 t. na nem. i rus. yaz. M.: Moskovskij filosofskij fond, 1997. T. 3. S. 277–733.
4. *Kant I.* Kritika sposobnosti suzhdeniya // Soch.: v 8 t. M.: Choro, 1994. T. 5. 414 s.
5. *Kant I.* Kritika chistogo razuma // Soch.: v 6 t. M., My'sl', 1964. T. 3. 800 s.
6. *Kant I.* Osnovopolozhenie k metafizike nravov // Soch.: v 4 t. na nem. i rus. yaz. M.: Moskovskij filosofskij fond, 1997. T. 3. S. 40–275.
7. *Mareev S.N.* O prakticheskix chuvstvax: Gegel' protiv Kanta / Filosofiya Gegelya: novy'e perevody', issledovaniya, kommentarii / pod obshh. red. E.V. Mareevoj. M.: Izd-vo SGU, 2014. 514 s.
8. *Myasnikov A.G.* Nравstvenny'j zakon — e'to utopiya? Ot V.S. Solov'eva k M.I. Tugan-Baranovskomu [E'lektronny'j resurs] / Centr sovremennoj prakticheskoy filosofii. URL: <http://sofia-pnz.ru/?p=889> (data obrashheniya: 14.04.2019).

A.V. Kucherenko

The Ratio of Pure Reason and Moral Law in the Study of Morality I. Kant

The article discusses the interaction of pure reason and moral law as one of the fundamental values in Kantian ethics. The controversial situation associated with the search for generally valid moral norms in the experience of the process of communication with the sequential immersion of consciousness in the intelligible noumenal world of moral values is analyzed. It is pointed out that it is necessary to take into account the specifics of the Kantian doctrine of morality, due to the religious consciousness of the philosopher.

Keywords: pure reason; moral law; noumenon; architectonics; religion.